

## Маяковский и современная поэзия

Эта беседа состоялась во Львове в дни работы XII Все-союзного фестиваля молодой поэзии. За «круглым столом» «ЛГ» собрались поэт, прозаик и критик Акакий Васадазе (Тбилиси), поэт и критик Николай Ильинский (Львов), поэт Владимир Соколов (Москва), чтобы обсудить проблемы, поднятые в статье Ст. Лесневского «ЛГ», № 36, 1982. Напоминаем, что в дискуссии уже приняли участие критики А. Кондратович («ЛГ», № 37), В. Сухнев («ЛГ», № 38), поэт Е. Исаев («ЛГ», № 39).

В. С. Конечно, прав О. Смола, с письмом которого началась дискуссия в «Литературной газете». Сегодняшней поэзии действительно недостает гражданской страсти, взрывчатой силы и боли Маяковского. Не знаю, правда, можно ли требовать от каждого поэта такой страсти, силы и боли. Но выверять сегодняшнюю поэзию Маяковским необходимо.

М. И. Вопрос о влиянии Маяковского на современную поэзию — непростой. У Павла Тычина есть стихотворение «Горький»:

«Корень Горького — в каждом народе, в украинской земле он даже перепелся». Перефразируя эти строки, можно сказать, что корень Маяковского — в поэзии каждого советского народа, а в украинской поэзии он тоже перепелся. Маяковский непосредственно повлиял на целую плеяду украинских поэтов, таких, как П. Тычина, М. Бажан... А они уже в свою очередь повлияли на более молодых. То есть на последних Маяковский влиял как бы опосредствованно. В их заинтересованном отношении к миру, в том, что поэт берет на себя смелость быть выразителем этого мира, борясь за него, видится мне влияние Маяковского на таких поэтов, как П. Тычина, М. Бажан, В. Коротич, П. Скупец, Р. Лубкивский. И не только на украинцев. Когда читаешь латвийских поэтов О. Вацетиса, И. Зиедониса, М. Чаклайса, чувствуешь, что и на них повлиял Маяковский, повлиял через Александра Чака, чьи корни переплелись с корнями Маяковского. У А. Чака прекрасные стихи об улице, о лошади, упав-

шей где-то, они явно перекликаются со стихами Маяковского, с его болью за людей, болью за безыскусную улицу, за весь неустроенный мир.

А. В. Можно было бы сказать, что на грузинскую поэзию Маяковский влияет через таких поэтов, как Галактион Табидзе. Но для нас Маяковский как бы грузинский поэт по своему характеру, по бурному своему темпераменту. Он близок нашим поэтам непосредственно.

В. С. Конечно, воздействие Маяковского может быть и опосредствованным. И все же не представляю себе современного поэта, который не читал бы, не знал бы стихов Маяковского. В 16 лет прочитав у него: «А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб?» — я тут же написал: «Я Я смогу сыграть на флейте ржавелых водосточных труб. Я крикну им: — О, лейте, лейте мелодии, — их звук не груб. Я в неба облачные губы, набухшие дождем мелодий, воткну ржавелые губы. Пусть заиграют на свободе!» Так я передал образ дождя. Позже я перестал подражать Маяковскому. Но его духовные уроки и сейчас во многом определяют мое творчество.

М. И. «Я — дедом казак, другим — сечевик, а по рождению грузин», — писал Маяковский. Он родственен всем советским поэтам чувством интернационального и интересом к каждой национальной литературе. Он прекрасно знал Шевченко, мог цитировать по оригиналу на украинском Ты-

чину, у него есть великолепные стихи об Украине...

А. В. Мы вот уже несколько лет в Кутаиси и в поселке Маяковский (Багдади) проводим Дни Маяковского. В эти дни молодые поэты всех братских республик как бы отчитываются перед памятью о Маяковском, представляют на оценку, на суд общественности свои стихи и поэмы, отображающие советскую действительность, насыщенные пафосом гражданской ответственности. Лучшие из них отмечаются премиями имени Маяковского.

ность не может заслонить собой настоящих гражданских стихов, но отпугнуть от публицистики поэтов, особенно молодых, может.

В. С. Зачем же придавать серьезное значение псевдогражданственности? Молодым неплохо пройти школу публицистичности, как прошли ее все современные поэты-лирики. По-разному прошли эту школу. Сошлось на собственный опыт. Я жил на Куйбышевском проспекте. Я ездил на Братскую ГЭС. И не просто ездил — там находился. Вместе с Игнатием Дворецким и Борисом Костюковским мы проехали от поселка Посто-янный до Лени-рени, до стан-

М. И. То есть герметичность поэтического мира? Это дает знать себя и в украинской поэзии. Иные молодые от инерции мысли приходят к инерции образа. А в целом поэзия не складывается.

В. С. «А в целом — вот как несведомы, что в голос хочется завыть» — А. Твардовский.

М. И. Но и сами поэты ощущают «несведомость» герметичности. Вот что пишет, например, Владимир Забаштанский, который, прежде чем начать печатать стихи, работал в каменоломне. Я привожу под-

стих, если не поступок! Если не стало стихов-поступков, значит, не стало стихов. А это неверно. Я не могу с этим согласиться, потому что поэзия В. Соколова, Е. Евтушенко, О. Чинадзе — это для меня прежде всего стихи-поступки, и поступки — очень важные значения.

В. С. Да. Ст. Лесневский здесь не прав. Не прав он и в некоторых конкретных оценках. Я уверен, что Д. Самойлов очень хорошо знает Маяковского, потому что много от него воспринял. Для него опыт Маяковского не прошел даром — это показывают великолепные его гражданские стихи.

А. В. Стихи-поступки очень характерны для грузинских поэтов. В литературной жизни Грузии, начиная со второй половины 50-х годов и по сей день, все более и более обостряется интерес и социальным проблемам в их морально-этическом, проблематичном, пристальном внимании поэтов, как М. Мацаварияни, Ш. Нишанидзе, М. Дебанидзе, Т. Чангуриш, В. Джавахадзе, и многих других привлекает тема борьбы с многоликим мещанством, с филистерским бытом и психологией. Гражданской и политической целеустремленностью, острой социальной проблематикой и идейной четкостью отличаются стихи молодых поэтов Д. Ивардава и Э. Нинарадзе. В поэзии 50–70-х годов возникла тенденция художественного осмысления нравственных позиций человека, его понимания долга, гражданственности, добра и зла. В художе-

жуются написанными одним стихотворцем. Здесь можно вспомнить слова Маяковского о том, что следующую книгу он напишет, только перешагнув через себя. Это вовсе не то, что имеет в виду критик Сергей Чупринин, который, по мнению Ст. Лесневского, «верно подметил, что никто из поэтов сейчас не хочет нарушать свои сложившиеся «амплуа». Спасибо, что хоть «амплуа» здесь в кавычках. «Амплуа» — театальный термин и к поэзии может быть отнесен только в ироническом смысле. Маяковский имел в виду, что напишет книгу лучше предыдущей, что совершит еще какие-то открытия в мире, в себе. Но не то, что станет другим, сменит «амплуа». Он и сам сказал: «Поймите ж — лицо у меня одно — оно лицо, а не флюгел!»

М. И. Это, кстати, подтверждают своим развитием и наши украинские поэты. Вышла новая книга Микола Винграновского «На серебряном берегу», и критики стали противопоставлять Винграновского шестидесяти годов гегершему. С точки зрения формальной поэтики, некоторые основания для противопоставления есть. Но если рассматривать нечто более важное для поэта, то у него, как сказал Маяковский, «лицо одно». В прежних своих стихах он пел колыбельную белой Европе, желтой Азии, черной Африке или Америке, пел о том, что разным детям из одной колыбели угрожает военная катастрофа. И сейчас он ратует за то, чтобы продолжалась жизнь на нашей планете, предупреждает об опасности ее уничтожения. Другое дело, что глобальные метафоры уступили место более конкретным, предметным. И сам он не отрекается от себя прежнего: «То, что я вчера любил, люблю и сегодня». То же самое можно сказать и об Иване Драче, у которого сложность поэтического образа, метафоры перешла в сложность общего замысла, в сложность чувств.

А. В. Кстати, перегруженность стихов терминами — это обязан единства, объявляя «интеллектуальностью». По моему, нет ничего нелепее такого понятия. Пушкин был или не был интеллектуалом? А Баратынский? А Маяковский? Может быть, речь должна идти о рассудочности? Но рассудочность поэзии — это не интеллектуальность. Иные так называемые «интеллектуальные» поэты рассуждают, вместо того чтобы поэтически осмыслить действительность. Истинная интеллектуальность — это внутренняя мудрость. Поэт обязан быть мудрым.

Он обязан единства в про-ороческие слова Пушкина, обязан осознать, принять их в сердце. Я имею в виду те самые пророческие пушкинские слова о том, что век может идти себе вперед, все изменится — наука, философия, поэзия, остается на том месте, которое ей отведено навсегда в человеческом сознании. Почему остается поэзия? Она остается потому, что поэт сумел духовно осмыслить свою реальность, сумел сказать об окружающей его жизни правдивое, веское слово. Маяковский еще раз подтвердил эту нестарую истину. А если поэт уходит от действительности, отказывается запечатлеть ее, выражать ее, его стихи не переживут его. С удовлетворением замечу, что в современной грузинской поэзии создано немало настоящих, подлинных произведений. Стоит, наверное, сказать о молодых — о Б. Харанули, М. Чинаури, Л. Стуриа. Их стихи радуют любителей поэзии.

М. И. В современной украинской поэзии тоже немало значительных вещей. У нас появился интереснейший роман в стихах Лины Хостенко «Марусь Чурай». А если го-

ворить о более молодых — Владимир Затуливитер, Дмитро Иванюк, Анатолий Кичинский, Наталья Белоцерковская... У каждого из них свои темы, свои акценты. У Затуливитера — это единение первичной природы и той, что создана руками человека, у него машина очеловечена, техника не противопоставлена живой природе, а находится с ней в гармоническом единстве. В стихе Белоцерковской ощущается синтез традиций Маяковского, Тычина и Блока — в музыкальном восприятии мира, в тяготении и его философскому осмыслению...

В. С. То, о чем мы сейчас говорим, можно свести к одной весьма важной для поэзии проблеме — проблеме лирического героя. Она в свете традиции Маяковского представляется мне проблемой номер один. Почему стихи в потоке своем сейчас внешне похожи? Потому что в них стерты черты лирического героя. Лирический герой и своеобразная личность автора как бы отстоят друг от друга. Я знаком с очень многими поэтами, все они в личном общении не похожи друг на друга, почему же стихи многих из них трудно различить? Потому что они боятся себя, быть может, их пугает необходимость субъективного осмысления мира? Но субъективность восприятия и осмысления — одно из слагаемых своеобразия.

М. И. У Бориса Олейника в поэме «В зеркале слова» есть такие строки: «Кажется, что похитившись у слов, вважал, что похитившись у себя» (то есть: если ты похитившись в слово, считай, что похитившись в себе). Вот пример неразрывности личности автора и лирического героя, этического и эстетического принципов, осознания этой неразрывности. Вообще мне кажется, что каждый настоящий поэт может сказать вслед за вами, Владимиром Николаевичем: «Не повторить хочу — продолжил...» Эти строки Владимира Соколова очень характерны. «Повторить» — это значит демонстративно собственное бессилие, свою зависимость от чужого стиля, то есть от чужого характера, от чужого лирического героя. «Продолжить» — быть в русле великих традиций, ни в чем не отступая от себя, явить миру нового лирического героя...

В. С. Об этом писал Маяковский в статье «Как делать стихи?». Она могла быть написана только поэтом. Конечно, молодые могут с трудом воспринять мнение Маяковского о поэзии как о производстве...

А. В. Они могут решить, что так делать стихи не следует!

В. С. И напрасно. Для Маяковского поэзия — это труд, который заключается в труде моей республики. Его труд рождает труд рабочего класса: «Я всю свою звонкую силу поэта тебе отдаю, атакующий класс». Но, разумеется, он вовсе не говорит о делании стихов как о некоем конвейерном производстве...

А. В. Еще был у него-то как раз каждое стихотворение — поступок.

В. С. Он очень точен в своей статье. Оговариваясь: «Я... не даю никаких правил для того, чтоб человек стал поэтом, чтобы он писал стихи», — он все-таки дает главное правило: «Надо брать за перо только тогда, когда нет иного способа говорить, кроме стиха». Вот что каждый должен принять в свое сердце! Этим заветом Маяковского, этим главным его правилом, думаю, и стоит закончить нашу беседу.

# «НЕ ПОВТОРИТЬ ХОЧУ»

# ПРОДОЛЖИТЬ!»

КРУГЛЫЙ  
СТОЛ  
«ЛГ»

ции Лена. Все это в итоге нашло отражение прежде всего в моем характере. Когда я жил на Куйбышевском проспекте, я писал стихи. Я пытался писать их портреты в стихах. У меня нет дара Твардовского, умевшего писать замечательные портреты современников, создавшего образ героя, вошедшего в народное сознание, в нашу культуру. Я имею в виду Василия Теркина. И все-таки я сознательно открыл первый том моего двухтомного издания стихов первой книжки «Утро в пути», среди которых — много написанных на Куйбышевском проспекте. Ибо там сформировалась моя поэзия как поэта и как гражданина.

А. В. Для молодых поэтов такую школу очень важно. Не знаю, как другие, но я ощущаю в нынешней молодой поэзии какую-то замкнутость, какие-то самоцельные искания автора в самом себе...

строчный перевод его стихотворения «Раздумье»: «Раньше я лифовал глыбу, а сегодня шифрую слово. Но ногами меня охватывают сомнения, грустное чувство одолевает меня, от которого мне нет сна: будто тем, что я стал писать стихи, я хочу сегодня кого-то обмануть».

В. С. Что ж, я тоже могу вспомнить хорошие строчки молодого поэта Владимира Урусова: «Воины не трогай. Отца родного похвалю». Они обращены к ровеснику, потому что есть у молодых стихи о войне, которые вызывают чувство неловкости. В русской советской поэзии есть лирики, старшие и младшие, серьезные и переживающие, чутко слушающие и остробно выходящие время и действительность. Но им надо опасаться своих двойников. Скупное, вторичное по форме и содержанию сочинительство почему-то объявляется продолжением классических традиций.

А. В. Тогда как подлинное продолжение классических традиций — это гражданская активность поэта. Гражданственность — один из важнейших аспектов его творческой личности, органическая часть его стремления к самовыражению.

М. И. Вот что еще важно: подлинная гражданственность не может не быть философичной.

А. В. Разумеется. Мы ведь подтверждение всему этому у любого крупного поэта: Пушкин, Маяковский, Г. Табидзе, П. Яшвили, Г. Леонидзе...

В. С. Как говорится, список может быть продолжен за счет имен крупных поэтов любого народа. Очень хорошо, что вы поставили Пушкина рядом с Маяковским. Потому что, судя по статье Ст. Лесневского, кое-кто пытается противопоставить Пушкина Маяковскому, «поссорить» их. Неумное и даже пошлое желание! Любил ли Маяковский Пушкина? Очень любил! На одном из диспутов он говорил об образе Пушкина как об «образе наиболее замечательнейшего за все время существования России поэта, и поэта с замечательной биографией, то есть человека очень сложного». Маяковский выступал против упрощения Пушкина: «Слова о сегодняшней всеобщей понятности Пушкина — это полемический прием... это, к сожалению, комплимент, ненужный ни Пушкину, ни нам».

М. И. Действительно, словно отвечает тем, кто и сегодня пытается поднести такой «комплимент» Пушкину.

В. С. Об этом я и говорю. «Всеобщая понятность» раздразжала Маяковского не меньше, чем хрестоматийный глассец. Едко высмеивал он создателей современной ему кинофильма, их «понимание» Пушкина: «...дурные взерошенные волосы, отведя левую ножку в сторону, сесть к столу и сразу написать блестящее стихотворение: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный, к нему не зарастет народная тропа...» — это есть потафление самому пошлосту, представлению о поэте, которое может быть у самых пошлых людей...»

А. В. Как написал Ст. Лесневский: «Нет, не с таким пошлом мечтал сговориться Маяковский...»

В. С. С Пушкиным Маяковский не просто «мечтал сговориться». Он во многом сходился. «Во весь голос», например, напоминает пушкинский «Памятник». Кстати, эта вещь Маяковского почти вся написана на пяти- и шестистопном ямбе. Или вот — Пушкин: «Мы ждем с томленьем упования минуты вольности святой, как ждет любовник молодой минуты верного свиданья», а вот — Маяковский: «Дать бы революции такие же названия, как любимым в первый день дают!» Интересно, что, когда Пушкин говорил о вольности, о свободе, а Маяковский — о революции, о будущем, любовь обязательно возникала. Самое интимное человеческое чувство сопровождается у обоих высокую гражданскую ноту.

А. В. Вот почему я решительно не согласен со Ст. Лесневским, когда он пишет, что «почти не стало стихов-поступков». Что такое

степенном освещении подобных вопросов четко вырисовывается новая тема — тема морали. Стихи О. Чинадзе, Д. Чаркиани, Г. Гегечкори, с одной стороны, предостерегают человека от зла, с другой — побуждают к добру и истинной вере. То есть выражают духовную потребность нашего общества.

М. И. Вообще, мне кажется, говорить о гражданственности более правильно, чем говорить о стихотворной публицистике. Понятие гражданственности включает публицистический элемент, но в то же время оно расширяет диапазон поэтического голоса. Гражданственность пронизывает и пейзажную, и любовную лирику. Мне кажется, что понятие гражданственности во многом искажено применением некоторых критиками делением поэтов на «стихиков» и «громких». В одной украинской песне — «О, восхитился А. Малышко — поется: «Тихо плачу на весь свет». Найдите в этом соотношении тихого и громкого. Настоящий поэт, как бы он ни говорил, тихо или громко, говорит «на весь свет». Пушкин, Шевченко, Франко, Маяковский. Или Тычина с его «Я емь народ...». Они брали на себя смелость говорить обо всем народе, всему народу. Без этой гражданской, пророческой миссии поэта поэзия не может иметь настоящего значения в обществе.

А. В. Гражданственность — это искренность. Маяковский искренен везде — и в «Стихах о советском паспорте», и в поэме «Владимир Ильич Ленин», и в «Облаке в штанах», и в «Про это». Везде в его вещах на первом плане стоит истинный поэтический образ, насыщенный истинным творческим переживанием. Везде его поэтическое видение основано на явлениях действительности. Он не придумывал ни себя, ни действительности себе. Именно поэтому для меня нет принципиального различия между его стихами прямого политического звучания и его любовной лирикой. Так же, как, например, у Галактиона Табидзе «Знамена, скорей!» и «Синие кони». По своей культуре, поэтичности, гражданственности звучания эти вещи для меня равнозначны. Главный завет Маяковского — неравнодушие к тому, что оказывается поэтическим материалом, содержанием стихотворения.

В. С. Это очень важное напоминание. Действительно, сколько приходится читать стихов, в которых если что и потрясает, то полярная комфортабельность души. Грусть, плохая погода, жена ушла — все это по словесному оформлению вроде бы и соответствует тематике, но это разное «все» написано с одним чувством — чувством глубокого удовлетворения. При этом и отдельные коллективные сборники таких стихов ка-

ДИАЛОГИ, ДИАЛОГИ...



Анатолий КАЛИНИН и Василий ФЕДОРОВ

Фото А. КАРЗАНОВА